

А.Ф.Щеглов

Советские военные переводчики на Кубе в 1969 г.

В публикации приводятся выдержки из воспоминаний Александра Федоровича Щеглова — на момент описываемых событий слушателя Военного института иностранных языков (ВИИЯ) — о работе на Кубе в 1969 г.

Ключевые слова: ВИИЯ, Щеглов, Куба, 1969.

КАК Я ОКАЗАЛСЯ В ВОЕННОМ ИНСТИТУТЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

С 1962 по 1965 г. я проходил срочную службу в Рaketных войсках стратегического назначения (РВСН) — совсем молодым в те годы виде Вооруженных сил СССР. Наступил «дембельский» 1965. За три года привыкаешь к воинским порядкам, они стали привычными, заполненными разными будничными делами от подъема до отбоя, бесконечными тревогами, учениями, строевыми занятиями, праздничными мероприятиями, увольнениями старших товарищей в запас. Теперь приближался наш черед настраиваться на гражданскую жизнь. И у моих товарищей по службе, и у меня были разные планы на будущее.

Однако произошло событие, круто изменившее всю мою дальнейшую жизнь. Мои стратегические планы были нарушены вызовом к заместителю командира полка по политической части подполковнику Москалеву. Краткая беседа с ним запомнилась мне на всю жизнь.

— Товарищ старший сержант, — обратился он ко мне, едва я доложил о своем прибытии, — Вы не хотите быть шпионом?.. Да нет, шпионы — это не у нас... Короче, не хотите ли стать разведчиком?

От вызова к замполиту я ждал всего, чего угодно, только, конечно, не такого поворота дела.

— Никогда не думал об этом, — честно признался я.

— Ну, сколько вам нужно времени на обдумывание? Пару дней хватит?

— Так точно, хватит.

Подполковник Москалев объяснил, что в полк пришел вызов на одного военнослужащего третьего года срочной службы для поступления в Воен-

Александр Федорович Щеглов

в отношении института, который только недавно отделился от Военной академии Советской армии (ВАСА). Кого там готовят, сколько лет учиться, какие экзамены сдавать? Масса вопросов, на которые не только мои сослуживцы, но и многие офицеры ничего толкового ответить не могли. Они просто ничего не знали о ВИИЯ. Да еще и «не болтать!» — помнил я приказ подполковника.

За два дня все-таки удалось кое-что узнать об институте от одного старшего лейтенанта, который год назад поступил в ВИИЯ на заочный факультет. Он советовал мне ехать в Москву и постараться поступить. Офицер убедил меня такой фразой: «Ты знаешь, выпускники этого института знают языки, как боги. Лучше, чем в этом вузе, иностранный язык нигде в Советском Союзе не преподают».

Прошло много десятилетий, но я помню слова старшего лейтенанта. Он был совершенно прав. Многих выпускников разных советских инязов встречал я и в Союзе, и за рубежом, но всякий раз убеждался, что наши виияковцы владеют иностранными языками лучше, надежнее других выпускников вузов особенно, естественно, в области военно-политической и военно-технической терминологии, да и не только...

ВИИЯ, 1965—1971. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ИСПЫТАНИЯ. ЖИЗНЬ И УЧЕБА СЛУШАТЕЛЕЙ

Весь май 1965 г. я просидел в за учебниками в читальном зале библиотеки ВИИЯ. Иностранный язык, русский письменный, устный, литература и история — такие вступительные экзамены предстояло сдавать абитуриентам. Мы втайне завидовали старшекурсникам, прогуливавшимся по просторному двору — плацу института. Они уже завершили летнюю сессию и готовились уехать на каникулы. Нам же предстояли серьезные испытания.

Для потока военнотружущих проходной балл из четырех экзаменов был равен тринадцати. Я ухитрился получить: 4+ 4+3+5=16. Из них три балла по немецкому языку и пять — по истории. На мандатной комиссии генерал-полковник Андрей Матвеевич Андреев поздравил нас с зачислением.

ный институт иностранных языков (ВИИЯ) в Москве. Далее он сказал, что мне первому сделали это предложение за хорошую службу. Если откажусь, то предложат поехать другому.

— Идите, и через двое суток доложите о своем решении. Но много по этому поводу не болтайте, — напутствовал меня замполит.

Я вернулся в казарму и не мог до конца осознать, что же произошло. Выходит, необходимо кардинально менять все мои планы? Я мечтал через пару месяцев снять шинель и стать гражданским человеком. А тут нужно становиться военным на всю жизнь. Да еще полная неизвестность

1968 г. Испанская языковая группа Специального факультета ВИИЯ перед выездом в заграникомандировку. Слева направо (в нижнем ряду): В.Терехов, Ю.Клименко, Ю.Мальков; верхний ряд: Ю.Князев, Г.Пашков, А.Щеглов

При распределении языков мне достался испанский. Вторым языком в нашей группе был французский. Популярность испанского языка в СССР в те годы была понятна, особенно военным. Всего несколько лет назад победила революция на Кубе, и после Карибского кризиса 1962 г., чуть не приведшего к войне между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, наша страна стала оказывать военную помощь Острову Свободы и поставлять ее Революционным вооруженным силам (РВС) оружие и военную технику, помогать кубинцам в подготовке военных кадров в учебных заведениях СССР. Естественно, вместе с техникой отправлялись и советские военные советники, специалисты и переводчики испанского языка. Последних готовил ВИИЯ, и потребность в них все увеличивалась. Далекий остров на протяжении нескольких десятилетий был единственной испаноязычной страной, куда выезжали тогда слушатели нашего института для совершенствования своих языковых знаний.

Наша испанская группа весь первый курс (1965—1966) находилась в составе факультета Западных языков, которым в те годы командовал генерал-майор Алексей Петрович Гладкий, известный разведчик, возглавлявший в годы Великой Отечественной войны разведку 8-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта. В 1966 г. в институте был создан третий Специальный факультет, и нас вместе с «англичанами» перевели туда на второй курс. На первый курс набрали три новых группы: немецкую, итальянскую и японскую. Первым начальником спецфака был назначен полковник Макаров, до этого служивший в Главном политическом управлении Совет-

ской Армии и Военно-Морского Флота, а после него — полковник Анатолий Петрович Филиппов.

В середине четвертого курса, после трех с половиной лет упорной учебы, наша группа через 10-е Главное управление Генерального штаба оформила соответствующие документы для выезда в первую в нашей жизни заграничную командировку в Республику Куба.

КУБА. ГАВАНА. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В январе 1969 г. наша группа в полном составе прибыла в международный аэропорт Шереметьево. Как и другие пассажиры, вылетавшие рейсом Москва — Гавана, мы прошли пограничный контроль и оказались «за рубежом». За границей можно оказаться, находясь физически в своей стране, в так называемом накопителе, где всегда много иностранных транзитных пассажиров. Здесь мы впервые увидели все недоступное в обычных московских магазинах: различные продовольственные товары в ярких зарубежных упаковках, бутылки «Кока-колы», виски и русской водки с этикетками на английском языке, баночки черной и красной икры и другие дефицитные продукты. Глядя на эти витрины, мы ходили взад-вперед, не имея ни малейшей возможности что-либо купить, так как продажа всех товаров шла на иностранную валюту. У нас ее не было.

После посадки на борт межконтинентального турбовинтового лайнера Ту-114 мы вылетели из Москвы. Наш маршрут предполагал промежуточные посадки в Будапеште и Алжире, но после броска через Атлантический океан мы вместо Кубы неожиданно совершили вынужденную посадку на военном аэродроме небольшого острова Багамского архипелага, принадлежавшего Великобритании. Оказалось, что перелет через Атлантику проходил при сильном встречном ветре, и топлива нашему самолету до Кубы могло не хватить. После дозаправки и примерно часа перелета мы приземлились в аэропорту Хосе Марти кубинской столицы.

Вышли из самолета и сразу очутились в «парной». Воздух был такой горячий и влажный, что наша зимняя московская одежда показалась нам своего рода анахронизмом. А одеты мы были в одинаковые серые плащи, шляпы и береты с одного склада все той же «десятки» — так все выезжавшие за границу военные кратко именовали 10-е Главное управление Генштаба, отвечавшее за вопросы военно-технического сотрудничества с зарубежными странами.

В Гаване в штабе главного военного советника Группы советских военных специалистов на Кубе — тогда эту должность занимал генерал-лейтенант Иван Григорьевич Биченко — нас встретил старший переводчик Иван Ильич Гарбузов. Процедура прохода через кубинскую границу была очень простой, даже слишком. Кубинский офицер огласил список, состоявший из наших фамилий, и пограничники, «взяв под козырек», открыли нам выход в город. Гарбузов понял наше удивление такому быстрому решению пограничного вопроса:

— Армия здесь имеет огромную власть, и никто не решается вступать в споры с военными, в том числе и пограничники. Они входят в состав Революционных вооруженных сил, — прокомментировал старший переводчик действия кубинского офицера, встречавшего нас в аэропорту Гаваны. В

Красавица Гавана — столица Республики Кубы

правдивости его слов мы убеждались постоянно, наблюдая повседневную жизнь на острове и службу в армии Кубы.

После прибытия в штаб наша группа была распределена следующим образом: автор данной статьи — старшим переводчиком в Восточную армию, г. Сантьяго-де-Куба; Князев — старшим переводчиком в Центральную армию, г. Санта-Клара; Клименко, Мальков и Пашков остались в Гаване. Славе Терехову досталась роль переводчика на борту самолета Ил-14, совершавшего полеты по кубинским городам, где работали советские военные специалисты. Нужно отметить, что Геннадий Пашков пробыл на Кубе около трех месяцев и вернулся в Москву. Влажный тропический климат оказался ему противопоказан: сильные головные боли не позволили Геннадию продолжить командировку.

В ШТАБЕ ВОСТОЧНОЙ АРМИИ. ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «КУБИНСКОГО» ЯЗЫКА

Город Сантьяго-де-Куба расположен в восточной части острова на расстоянии 1100 км от Гаваны. Он занимает второе место по численности жителей после столицы страны. Кубинцы называют его колыбелью революции 1959 г. и по политической значимости сравнивают с Ленинградом, где победила революция в 1917 г. В окрестностях города расположен штаб самой крупной на Кубе Восточной армии.

В Сантьяго-де-Куба сохранилось множество исторических памятников, связанных с борьбой кубинцев за освобождение от гнета Испанской короны. В то время в войне против испанских войск активное участие принимали войска США. Они формально помогли Кубе сбросить колониальное иго. В память о совместной борьбе против общего врага в парке Сантьяго в 1902 г. было посажено «дерево американо-кубинской дружбы». Теперь это — гигантский «живой свидетель» тех давних событий.

Однако дружба географически близких соседей не была так бескорыстна, как казалось вначале. Правительство США навязало Кубе ряд договоров, в том

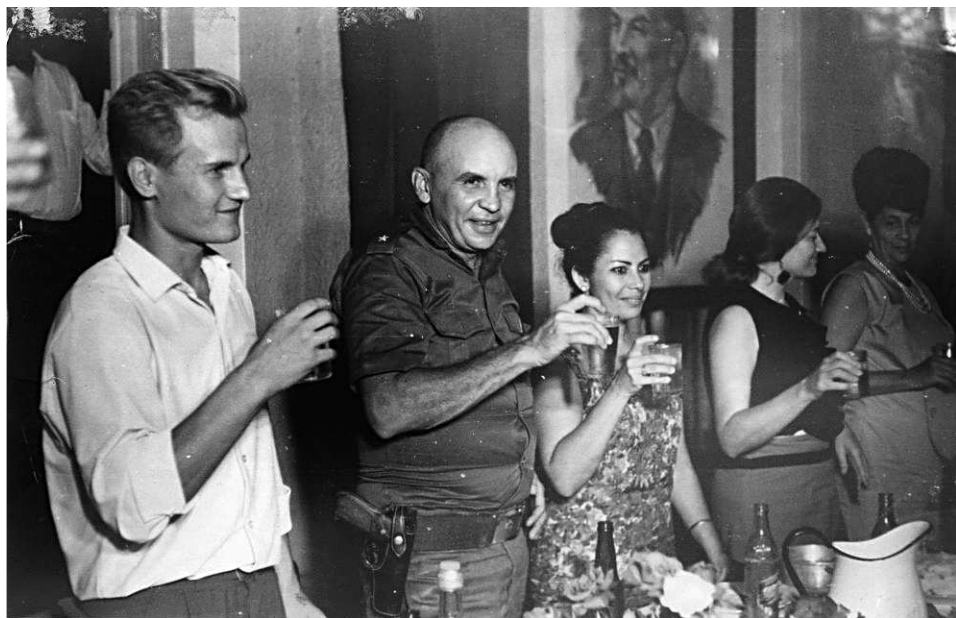
числе об аренде территории для военно-морской базы Гуантанамо, которую революционное руководство после победы над диктатурой Фульхенсио Батисты в 1959 г. назвало «ножом, вонзенным в тело Кубы». Более 50 лет остров находился в неокOLONиальной зависимости от Соединенных Штатов, которые фактически хозяйничали на кубинской земле.

Моим начальником был старший группы советских военных специалистов и переводчиков в Восточной армии РВС Кубы генерал-майор Иван Александрович Павлов. Участник Великой Отечественной войны, он отличался строгим характером, некой излишней придирчивостью. В 1968 г. с генералом работал военный переводчик Виктор Пронин, замечательный специалист, профессионально выполнявший свои обязанности. О нем хорошо отзывались как кубинские, так и советские офицеры.

Непосредственно перед моим приездом с генералом работал выпускник Горьковского иняза Валентин Блохин, хорошо знавший испанский, но, по словам генерала, «не имевший понятия об особенностях военной службы». Однако мне казалось, что у Павлова было просто предвзятое отношение к гражданским специалистам-филологам. Таким образом, мне по «заветам» старшего переводчика в Гаване капитана Ивана Гарбузова, выпускника ВИИЯ 1966 г., пришлось сменить Валентина Блохина на этом посту. Первые встречи моего генерала с кубинскими военными высокого ранга, переговоры и дискуссии с ними мне, как переводчику, особых проблем не доставляли. Лишь в самом начале кубинцы в шутку называли меня «гальего» — так они величали испанских колонизаторов за мадридский литературный язык, а именно его мы и изучали в институте. Пришлось впитывать кубинское произношение. За год пребывания на острове я старался, как и все ребята моей группы, овладеть не только разговорным языком, что позволяла сама наша практика перевода, но и пополнить свой словарный запас различными характерными «кубанизмами».

Так, например, я собирал терминологию ненормативной лексики, стремился перевести такие выражения на русский и понять их место в разговорной речи и правила употребления. За все время я занес в свою общую тетрадь-словарь более 600 таких слов и выражений. Если первое время, слушая разговоры рядовых граждан, я не мог понять некоторых нюансов, то потом оказалось, что это — «слова-связки», нецензурные или грубые выражения, которые мы, естественно, в вузе не изучали.

Однако с течением времени, ежедневно общаясь с кубинцами, я схватывал такие обыденные для их речи слова и старался произносить их «по-кубински». Это в определенной степени сближало меня с местными жителями, которые, благодаря правильному переводу, проникались большим доверием к русскому собеседнику. И чем больше я употреблял уличную терминологию, тем чаще завоевывал доверие кубинцев. Возможно, это не тот путь, по которому всегда следует идти начинающему переводчику. Но я в своей практической, хотя и сравнительно короткой деятельности в этой роли, убедился, что один из возможных способов «завоевания» иностранного собеседника — именно этот прием, когда ты общаешься с человеком на его родном языке, которым он пользуется в повседневной жизни, со всеми его «неправильностями» и «ненормативными» выражениями.

Второй слева — командующий Восточной армией Кубы Рауль Менендес Томассевич; первый слева — Виктор Пронин, военный переводчик, мой предшественник на этой должности

Вспоминая тот далекий 1969 г., я думаю о том, что наиболее трудными для меня были два вида перевода. Первый — шепотом на ухо начальнику. Во время занятий приходилось практически синхронно переводить командующего армией, отвечающих на его вопросы офицеров, реплики, замечания начальника штаба армии и, естественно, моего генерала, который очень любил вмешиваться в ход занятий. В такой обстановке очень трудно успеть все уловить, перевести на русский и обратно, причем без наушников и при том, что одновременно говорят два-три человека. Если не успел, то твои огрехи сразу скажутся на выступлении твоего «подопечного», который станет говорить невпопад. После нескольких часов таких занятий мой вес, видимо, снижался на пару-тройку килограммов...

Второй вид перевода, также далеко непростой, — это перевод анекдотов. Здесь нужно хорошо владеть бытовой и нецензурной лексикой, помнить идиомы, фразеологические обороты и их «кубинские» варианты. Известно, что на Кубе, в Испании, Аргентине, Венесуэле, Перу или Мексике говорят на испанском, но в каждой стране очень много особенностей, диалектов, которые необходимо постоянно изучать. Любой рассказчик анекдота ожидает соответствующей реакции слушателей, как правило, — это смех, шутки, то есть ответ на точно переведенный анекдот. И если ты не сумел перевести адекватно, то и рассказчик, и слушатели мгновенно поймут, что переводчик вводит всех в заблуждение. Другими словами, твой «прокол» будет сразу же обнаружен.

После революции на Кубе, как в свое время и в нашей стране после 1917 г., к власти, особенно на местах, пришли рабочие и крестьяне. То же самое было и в армии. А у простого люда и язык простой, часто далекий от литературного, характерного для интеллигенции. Из этого следовало де-

лать выводы и нам, приехавшим из-за океана, чтобы учить кубинцев премудростям строительства новой армии, обучать их командиров и военачальников тактике и оперативному искусству.

ЧТО ЗА НАРОД КУБИНЦЫ?

Немного о национально-психологических особенностях кубинцев. Я считал тогда и не изменил своего мнения теперь, через много десятилетий, что лучшим способом совершенствования языковых знаний является постоянное живое общение с разными людьми. В то время это были, конечно, в первую очередь офицеры и солдаты штаба Восточной армии. Но были и простые жители Сантьяго — старики, сидящие в скверах, парках, на остановках муниципального транспорта, водители персональных машин, работавшие с нами, и кубинские переводчики, преподаватели Восточного университета и работники порта, куда нам приходилось часто приезжать для общения с экипажами советских судов; кубинцы, отдыхающие на пляжах и, конечно, замечательные кубинские девушки, которые охотно предлагали свою дружбу молодым советским парням, да еще и говорившим по-испански.

Что касается общения в семьях кубинцев, то это нам не запрещалось, но и особенно не приветствовалось начальством в целях безопасности. Однако мне удалось убедить моего непосредственного начальника, что для углубленного изучения языка мне это крайне необходимо. Я бывал дома у кубинских офицеров, у профессора Восточного университета, в семьях девушек, с которыми знакомился на пляжах, в кинотеатрах и парках. При непринужденном бытовом общении узнаешь много такого, что невозможно услышать в служебных разговорах с офицерами в штабах армии и дивизиях. В гостях проще выявлялось и истинное отношение людей к нашей стране, и характерное для кубинцев критическое отношение к их внутренним порядкам, что имело большое значение для оценки внутриаполитической обстановки в стране, что мы должны были иметь в виду как профессионалы.

У каждого из нас, — «советских» («soviéticos») — все время накапливались факты, которые позволяли анализировать и делать выводы, задаваться вопросами: чем же кубинцы отличаются от нас в повседневной жизни, на службе, на работе, в быту, на отдыхе и так далее? Что-то бросалось в глаза сразу, при первой встрече, другие черты характера проявлялись после установления более тесных контактов.

С кубинцами легко знакомиться, они приветливы, общительны, быстро располагают незнакомца к дружеской беседе. Возможно, это было связано с тем, что между нашими странами в ту пору существовали тесные братские связи. Ведь всего несколько лет назад — осенью 1962 г. — Советский Союз ценой большого риска, практически на грани ракетно-ядерной войны помог народу Кубы отстоять независимость, предотвратил агрессию со стороны США, оградил революционную республику от американской военно-морской блокады.

Любой советский человек на Кубе в ту пору воспринимался как товарищ, пришедший на помощь, и был желанным гостем в доме кубинца. Сколько раз, бывая в командировках в небольших деревнях, мы чувствовали теплоту и дружеское отношение простых тружеников, крестьян, у кото-

рых тогда были большие трудности с продовольствием. Несмотря на это, нас непременно усаживали за стол и угощали чашечкой горячего густого ароматного кофе. Это — обязательный атрибут встречи гостя как в деревне, так и в городе. Уж кофе кубинцы варят блестяще. За чашкой этого чудного напитка хозяин постарается задать те вопросы, которые его интересуют, причем, здесь могут всплыть самые неожиданные и острые политические проблемы.

Кубинцы — раскованный народ, это проявляется уже при первой встрече. Встречаемся в городе, садимся на скамейку в парке, и кубинка или кубинец буквально укладывает свою правую ногу на колено левой ноги, или наоборот — просто так удобно. У девушек и даже зрелых женщин при этом видны предметы нижней одежды, трусики, ввиду жаркого климата, иногда совсем отсутствуют. Но все это так естественно и не вульгарно, что невольно думаешь, а может быть мы, северные жители, уж слишком зашорены, «застегнуты на все пуговицы» своих мундиров?

Друг с другом кубинцы дружелюбны, общительны, уважительно и подчеркнуто вежливы с женщинами и со старшими по возрасту. Несмотря на то, что ассортимент одежды весьма скудный, кубинцы умеют элегантно и аккуратно одеваться, у офицеров и солдат всегда чистая отглаженная зелено-оливковая форма. О женщинах разговор особый. Кубинская девушка, лишь встав на свои маленькие ножки, кажется, уже умеет танцевать, а став девушкой, становится воплощением красоты, изящности и элегантности. Думаешь, откуда это у них — врожденное, продукт тропического климата или результат невероятного смешения крови? Европейцы, прежде всего испанцы, — негры, мулаты, коренные индейцы, которых почти не осталось на острове, и даже китайцы — вот эти и другие расы и народы создавали и продолжают создавать в своем «плавильном котле» облик кубинской нации.

Но сами кубинцы особенно выделяют мулаток. Они называют их сексапильным образцом нации: точеные фигуры, прекрасные формы, красивая смуглая бархатистая кожа; встречаются мулатки с зелеными и даже голубыми глазами. Когда русские впервые приезжают на Кубу, кубинцы, познакомившись поближе, в шутку задают один и тот же вопрос: «Ну, как тебе наши мулатки? Горячие, темпераментные девушки?». При этом всегда слышишь их традиционное высказывание о том, что то небольшое, прекрасное, что оставил островитянам испанский колониализм, — это красавицы-мулатки. Вот такие они шутники.

КУБИНСКИЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

По службе мне довольно часто приходилось общаться с командующим Восточной армией. В тот период эту должность занимал армейский майор (comandante de ejército) Рауль Менендес Томассевич. Он считался близким другом Фиделя Кастро, партизанил с ним в годы вооруженной борьбы с проамериканским режимом диктатора Батисты. Затем, после победы революции, участвовал в партизанском движении в странах Латинской Америки вместе с Эрнесто Че Геварой.

Вторым по рангу военачальником в армии был начальник штаба — тоже армейский майор — Сесар Лара Роселье, молодой, быстро продвинувшийся по служебной лестнице человек (не без протекции министра РВС и

Министр обороны СССР маршал А.А.Гречко с Фиделем Кастро на Кубе

первого заместителя Председателя Государственного Совета Кубы Рауля Кастро, младшего брата Фиделя).

Как Менендес, так и Лара с большим уважением относились к советским военным специалистам в армии. В то время практически у каждого кубинского командира в звене от Министра РВС до дивизии и отдельной бригады, включая кадрированные соединения, работали советские военные специалисты. В штабе Восточной армии, например, они были при командующем армии, начальнике штаба, начальнике оперативного отдела, начальнике артиллерии, начальнике инженерных войск. Кроме того, советские специалисты работали с командиром армейского корпуса в городе Ольгине, командирами нескольких дивизий в Мансанильо, Баракоа, Кане-де-лас-Мерседес.

В период пребывания на Кубе мы с интересом знакомились с жизнью и бытом кубинского народа, посещали музеи, памятные места, связанные с героическим прошлым страны, освободительной борьбой кубинцев против испанских колонизаторов и диктатуры проамериканского режима. Для отдыха выезжали на пляжи Сибоней и Калетон Бланко в окрестностях города Сантьяго и Гуарда ла Барки к северу от города Ольгина. Кубинцы всегда оказывали помощь и содействие в организации и проведении таких поездок. Для укрепления дружбы проводились совместные мероприятия военнослужащих Восточной армии и членов группы военных специалистов. Как правило, это было приурочено к государственным и военным праздникам СССР и Кубы.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И КУБЫ

Советско-кубинское военное сотрудничество началось в конце 1960 г. Тогда небольшая группа наших военных специалистов развернула подготовку в частях кубинской армии (орудийных расчетов, танковых экипажей) и изучение основ тактики их применения в условиях Кубы. Более интен-

1969 г. На рекогносцировке. Третий слева — министр РВС Рауль Кастро; пятый — главный военный советник генерал-лейтенант И.Г.Биченко; второй справа — Р.Менендес Томассевич, слева от него — старший переводчик В.Пилипенко, выпускник ВПИЯ 1966 г., работавший с Р.Кастро

сивное военное сотрудничество началось после разгрома кубинских контрреволюционеров, высадившихся на Плайя-Хирон в апреле 1961 г. при поддержке США. Вслед за поставками на остров вооружения и боевой техники прибыли советские военные специалисты и советники. Главные военные советники работали с министром РВС. Это были опытные генералы Вооруженных сил СССР: генерал-лейтенант Алексей Алексеевич Дементьев (1962—1964 гг.), генерал-лейтенант Иван Николаевич Шкадов (1964—1967), генерал-лейтенант Иван Григорьевич Биченко (1967—1970), генерал-полковник Дмитрий Андреевич Крутских (1970—1974), генерал-лейтенант Иван Никифорович Вербитский (1974—1976), генерал-лейтенант Сергей Георгиевич Кривоплясов (1976—1981).

В Гаване, в Министерстве РВС Кубы размещена галерея портретов главных советских военных советников, работавших на Острове Свободы. В последующие годы свои места заняли портреты генерал-полковников Владимира Николаевича Кончица (1981—1985), Алексея Николаевича Зайцева (1985—1990), Григория Антоновича Бессмертного (1990—1994). Их воинские звания указаны на период их пребывания на Кубе.

Наша испанская языковая группа находилась на острове в то время, когда главным военным советником был генерал-лейтенант И.Г.Биченко. Штаб-квартира группы советских военных специалистов располагалась в районе Коли — одном из фешенебельных районов Гаваны. Основная часть советских офицеров на Кубе официально именовались военными специалистами и военными переводчиками. С помощью переводчиков наши офицеры тщательно обу-

чали кубинцев премудростям владения оружием и боевой техникой, учили их военной тактике и оперативному искусству. Главной операцией, которая постоянно отрабатывалась тогда кубинской армией, была противодесантная операция. Думаю, что таковой она остается и сегодня. Остров Куба имеет огромную береговую линию, во многих местах она сильно изрезана, и в прибрежных водах много рифов. В этих местах десантным судам противника трудно подойти к берегу и осуществить высадку войск.

Однако есть и довольно удобные участки побережья для десантирования. Их на Кубе называют «playa cómoda» — «удобный пляж». Эти направления и являются «десантоопасными». Например, в Восточной провинции — Орьенте — таким направлением является территория, расположенная к северу от г. Ольгин, прилегающая к побережью Атлантического океана. Для прикрытия этого направления в период Карибского кризиса здесь был развернут советский мотострелковый полк, которым командовал полковник Дмитрий Тимофеевич Язов, ставший впоследствии министром обороны СССР. В 1969 г. в тех местах дислоцировался отдельный армейский корпус РВС Кубы, входивший в состав Восточной армии, и нам приходилось неоднократно выезжать в Ольгин и на побережье во время учений с боевыми стрельбами и на штабные тренировки. В ходе учений части кубинской армии отрабатывали стрельбу по морским целям. Следует отметить, что поражали они их весьма успешно. Мы в этом неоднократно убеждались.

В кубинских частях и подразделениях военнослужащие с большим энтузиазмом отрабатывали различные приемы, связанные с совершенствованием боевого мастерства, доводя их до автоматизма. Они отлично овладели оружием и боевой техникой, что в последующие годы было наглядно продемонстрировано всему миру в ходе боевых действиях в Анголе и Эфиопии.

На Кубе советские военные специалисты всегда участвовали в подготовке и проведении учений и маневров, помогали командирам различных уровней в разработке конкретных операций и их осуществлении. И еще: я стал участником особенного события — создания в Революционных вооруженных силах политических органов. Это как раз совпало со временем пребывания нашей языковой группы на Кубе. На первых порах бывали случаи взаимного непонимания в этом важном вопросе.

Alexandr F.Scheglov (sobresseguro@yandex.ru)
Captain 1 rank in retirement

Soviet military translators in Cuba in 1969

Abstract. The publication contains some extracts from the memories of Alexander Fedorovich Scheglov, captain 1 rank in retirement, at the time of the events described - the listener of the Military Institute of Foreign Languages, on a one-year stay in Cuba in 1969.

Key words: Military Institute of Foreign Languages, Scheglov, Cuba, 1969